

От Марксистской платформы в КПСС к Партии труда

Сегодня, когда речь заходит о верности коммунистическим принципам, об отстаивании социалистических идеалов в дальнейшем социально-экономическом развитии страны, сразу вспоминают фигуры типа Н. Андреевой, А. Макашова, А. Сергеева, В. Анпилова. Но было бы крайне опрометчиво и опасно сводить весь спектр социалистических построений, имеющих ныне хождение в бывшем советском обществе, только к его крайним необольшевистским вариантам. Отнюдь не все у нас в стране безоговорочно приняли постулаты либеральных концепций. Многие ищут рецепты выхода из кризиса в русле демократической социалистической ориентации, и вряд ли разумно не замечать их критику правительственных программ, просто игнорировать предлагаемые ими проекты преобразований. Нельзя забывать, что социальная база у подобных движений достаточно существенна. К числу таких организаций относится созданная на рубеже 1991—1992 гг. по инициативе лидеров Социалистической партии, Конференции Анархо-синдикалистов и Московской федерации профсоюзов Партия труда. С одним из ее лидеров — профессором экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова доктором экономических наук Александром БУЗГАЛИНЫМ — беседует редактор отдела социально-экономических проблем «ОНС» Наталия ПЛИСКЕВИЧ.

Н. П. Александр Владимирович, сначала, если позволите, поговорим немного о том, что уже стало историей. Вы стали известны широкой общественности в начале 1990 г. после объявления о создании Марксистской платформы в КПСС. Почему вы выступили с этой инициативой? И какой смысл вкладывался в название вашей платформы? Ведь вся КПСС опиралась на идеологию марксизма-ленинизма. Не хотели ли вы этим сказать, что претендуете на истинность толкования марксизма?

А. Б. Мне достаточно сложно говорить о себе как о политике. По профессии я ученый, преподаватель, и именно эта деятельность мне дорога и близка. В политику я никогда не стремился и даже в КПСС вступил только в 1988 году. Тогда, на первом этапе перестройки, полагали, что для ее успеха необходимым условием является реформирование самой коммунистической партии. Внутри нее возникло оппозиционное движение на уровне партийных клубов, совещаний секретарей первичных партийных организаций и т. п. Всех занимал один вопрос — как демократизировать партию. Затем, на рубеже 1989—1990 гг., мы осознали, что сам процесс демократизации — это расчистка, слом тоталитарной системы, создающий лишь предпосылки для дальнейшего развития. Но каким должно быть это развитие? Ответы на этот вопрос привели к определенному размежеванию внутри оппозиционного движения в КПСС. Наиболее широко известна по-

зиция тех, кто составил Демократическую платформу в КПСС. Многие ее лидеры оказались в лучшем случае сторонниками правого социал-демократического направления, а в массе — нормального либерального течения общественно-политической мысли и идеологии. Можно вспомнить таких известных политических деятелей, как Ю. Афанасьев, Г. Попов, В. Лысенко, воззрения которых сейчас крайне далеки от социализма в любой его разновидности, даже той, которую признают Ф. Миттеран или лидеры лейбористской партии Великобритании.

Марксистская платформа в КПСС возникла как альтернатива этому либеральному направлению, хотя, подчеркну, по ряду вопросов, например по вопросу борьбы с бюрократизмом в партии и в обществе, у нас все время был блок с Демократической платформой. Мы работали вместе и до XXVIII съезда КПСС, и после него с той частью Демократической платформы, которая осталась внутри КПСС. Но в стратегических целях у нас всегда были принципиальные расхождения.

И не случайно мы заговорили о марксизме. Потому что марксизм — то идейно-теоретическое направление, которое во всем мире, за исключением, быть может, только нашей страны (как это ни парадоксально), объединяет как некий исходный пункт очень широкий спектр левых течений от социал-демократии или, скажем, социалистов типа Миттерана до троцкистов, занимающих одну из крайних и последовательно левых позиций. Мы сделали акцент на марксизме не как догме, а как на прообразе левого течения очень широкого диапазона.

Н. П. И вам удавалось осуществлять подобное объединение внутри Марксистской платформы?

А. Б. Да, у нас сотрудничали люди, стоящие и на социалистических, и на последовательно коммунистических позициях. Последних, пожалуй, было большинство. Мы заявили о себе в апреле 1990 года. Причем резонанс был достаточно внушительным. Первоначальный документ создавался группой из 10 человек, представлявших не более полусотни активистов московского партийного клуба и ряд ученых, но его публикация вызвала просто обвальную реакцию, и на проведенной через две недели учредительной конференции собралось около 300 человек из всех крупных регионов СССР. А согласно социологическим обследованиям, проведенным перед XXVIII съездом КПСС, нас поддерживали по разным регионам от 2—3 до 7—8% членов КПСС. Нас пригласили на XXVIII съезд КПСС. Там были сотни делегатов, с которыми мы легко находили общий язык, хотя прямо заявить о солидарности с нами смелости хватало у немногих. Нельзя забывать, каковы были порядки в КПСС, как проходили выборы, кто в основном попал на съезд.

Н. П. Каковы были результаты вашего участия в XXVIII съезде КПСС?

А. Б. Вновь отмечу, что за демократизацию съезда мы выступали вместе с Демократической платформой. Мы пробили вопреки сопротивлению президиума, и в первую очередь М. Горбачева, выступления представителей платформ, получили трибуну для пропаганды своих идей, удалось объединить вокруг себя несколько сот делегатов, добиться альтернативных выборов в ЦК. В результате, к своему удивлению, в его состав от Марксистской платформы вошли А. Пригарин, Г. Сачко и я.

Н. П. А А. Колганов стал членом ЦК РКП у И. Полозкова.

А. Б. Как это ни парадоксально, у Ивана Кузьмича собралась еще более демократичная оппозиция, чем в союзном ЦК. В частности, там были и

В. Липицкий, и А. Руцкой. Но таких там было не больше пяти человек, и, конечно, погоду они не делали. В целом это был правоконсервативный орган.

Н. П. И вы в ЦК КПСС также погоду не делали.

А. Б. Это был консервативный орган в строгом смысле слова, не способный к политическому руководству, тянущий назад и не умеющий проводить реформы ни в каком направлении — ни в социалистическом, ни в либерально-буржуазном. Причем интересно, что после XXVIII съезда КПСС в составе ЦК оказалось довольно много людей, лишь за два года до этого пришедших на партийную работу, им было чуждо старое казенное состояние делателей карьеры, они искренне стремились сделать все, от них зависящее, для блага страны и работали по 12—14 часов в сутки. Но сила бюрократической системы была такова, что личности не могли ее изменить изнутри. Можно было либо разрушить эту систему, либо подчиниться ей. Механизм этот был по своей сути антидемократическим, подавлявшим любую инициативу. Его конструкция безнадежно устарела за 70 лет, дошла до кризиса и начала рассыпаться. Попытки вмонтировать в него какие-то новые винтики, сменить смазку, вводя новых людей, ничего не давали. Наша деятельность в ЦК сводилась к тому, что мы все время вносили предложения, заранее обреченные на провал. Ни одно из них не проходило, хотя мы участвовали и в работе на предварительной стадии подготовки документов, и в редакционных комиссиях. Сама процедура бесконечных согласований гарантировала от непрошенного проникновения всякой новой мысли.

Н. П. Но тогда возникает естественный вопрос: зачем вы находились в ЦК КПСС, если это ничего не давало?

А. Б. Дело в том, что членство в ЦК КПСС открывало возможность широкой пропаганды: гарантированные публикации один раз в два месяца в центральных газетах, выступления на пленумах, встречи с трудовыми коллективами предприятий.

Н. П. Но здесь есть и другая сторона: ваше членство в ЦК КПСС могло создавать у людей, до которых вы стремились донести свои идеи, иллюзию, что эту структуру можно изменить. А потому вы в какой-то мере становились ширмой для нереформируемой, по вашему же мнению, организации.

А. Б. Может быть. Хотя в действительности ситуация была не совсем такой, потому что на каждом заседании, в каждом выступлении мы заявляли, что КПСС реформировать нельзя, а нужно снизу создавать новые коммунистические и социалистические партии. И руководство ЦК давало понять нашим собеседникам, что мы не те люди, с которыми можно иметь дело. Тут мне приходит в голову классический пример, когда Ленин говорил, что надо участвовать в работе реакционных профсоюзов, хотя они и продажные, и не способные к защите интересов лиц наемного труда.

Н. П. Ваше членство в ЦК КПСС продолжалось до августа 1991 года?

А. Б. О событиях 19 августа я узнал лишь поздно вечером — был на турбазе, где отсутствовала не только информация, но и нормальная связь. Лишь 20 августа нам с Колгановым благодаря помощи наших знакомых — литовцев — удалось дать телеграмму в Верховный Совет России с призывом к борьбе с ГКЧП и констатацией того, что если коммунисты не выступят против путча, то это будет полный и окончательный провал партии.

Затем, когда собрался координационный совет Марксистской платфор-

мы, большинство подтвердили свое отрицательное отношение к путчу, хотя некоторые отнеслись к нему если не с симпатией, то с пониманием. Это стало причиной раскола. Большинство решили, что нужно порвать со старыми традициями и создать новую организацию, а не реанимировать КПСС. Но еще одно размежевание по достаточно принципиальной позиции произошло внутри этого большинства. Вопрос стоял так: либо создавать новую коммунистическую партию, сознавая, что она будет обречена на изоляцию, либо как коммунистическое крыло входить в широкое движение демократической социалистической ориентации, менее жесткое в смысле идеологических установок и в гораздо большей степени ориентированное на практическую работу среди массовых демократических организаций. Здесь большинство высказались за первоочередность создания новой партийной организации, "которая, лишь определившись как партия, станет думать о вступлении в союзы, блоки с другими силами. Была создана Партия коммунистов. По идейным, программным позициям она достаточно близка нашей группе, не принявшей решение большинства.

Мы полагаем, что сейчас гораздо важнее работать в рамках широкого движения социалистической ориентации, чем вновь бороться за чистоту марксистской идеологии. В результате мы, оставаясь коммунистами по убеждениям, выступили с поддержкой идеи создания Партии труда. В свою программу мы не включили рассуждений о коммунизме и марксизме, хотя все идеи остались. Сделано это было не потому, что среди нас оказались противники такого включения, а просто потому, что, по нашему мнению, сейчас это не тот вопрос, вокруг которого стоит затевать полемику. Мы слишком много спорили о словах, когда надо было действовать.

В Партию труда объединился довольно широкий блок, в который вошли лидеры анархо-синдикалистов, Социалистической партии, ряд небольших групп, в частности лидеры объединения «Рабочий» на Урале. Очень важно, что нас поддержали лидеры московских и петербургских профсоюзов, ряда независимых профсоюзов, в частности профсоюза авиадиспетчеров. Партия труда — это партия социалистической направленности, объединяющая очень широкий спектр сил, ориентированных на решение ряда задач. Задача-минимум — защита экономических и социальных интересов лиц наемного труда в условиях крайнего обострения экономической и политической ситуации. Более серьезная, стратегическая задача, к решению которой тем не менее надо приступать уже сегодня, — создание альтернативного общественного сектора в экономике и базисной демократии в политике.

Н. П. Какой смысл вы вкладываете в эти понятия?

А. Б. Общественный сектор в экономике — это отнюдь не воссозданная государственная собственность, а экономическая система, опирающаяся прежде всего на самоуправление, предполагающая статус трудовых коллективов как хозяев предприятий, статус жителей как хозяев территорий проживания, статус общественных организаций, профсоюзов, потребительских обществ, экономических организаций и т. п. как структур, обладающих серьезными правами по регулированию экономической и общественной жизни.

Н. П. Это идеи, с которыми вы всегда выступали как ученый.

А. Б. Да, над этим я всегда работал. Что касается политики, то у нас сегодня происходит подмена понятия демократии идеей сильной исполнительной власти. Те, кто еще недавно заявляли, что демократия есть абсолютная ненарушаемая ценность, ныне фактически действуют так, что это не более, чем средство. Средство, которое, если требуется, можно на время

оставить в стороне. Для нас демократия — абсолютно необходимая предпосылка движения вперед. Если демократия и средство, то такое самоценное средство, без которого нормальная жизнь невозможна, как без чистого воздуха. Причем демократию мы понимаем не как парламентаризм, т. е. возможность кого-то выбирать раз в четыре года, создавать партии для продвижения своих людей в парламент. Мы видим ограниченность многопартийной системы в классическом западном смысле слова, в которой, если у тебя есть деньги, ты можешь высказываться, нет денег — и шанс заявить о себе пропадает. Такая система дает, конечно, минимальные возможности, но это не идеал.

Идеал для нас — базисная демократия, подразумевающая прежде всего опору на низовые органы самоуправления и императивные мандаты. Каждый представитель законодательной власти базируется на какой-то самоуправляющейся структуре. Это могут быть союз трудовых коллективов, местное объединение жителей, профсоюз, общество потребителей, организация «зеленых» и т. п. А если так, то он представляет определенный общественный интерес, причем интерес, базирующийся на организации, на самоорганизации людей. Если депутат перестал выражать интересы своей организации, последняя может отозвать его в любой момент. Таким образом, за депутатом постоянно сохраняется контроль, а кроме того, он опирается на свою организацию, которая готовит ему нужные документы, предоставляет своих консультантов, способна с помощью традиционных демократических процедур выявить действительный общественный интерес. То есть в качестве административного аппарата при депутате выступают заинтересованные люди, а не бюрократы, способные свести на нет плоды любой работы. При такой системе депутат становится именно представителем своей организации, а не просто личностью, делающей все, что сочтет нужным, ссылаясь при этом на демократию.

Н. П. Ваша схема проста и логична, если мы имеем дело с каким-то относительно небольшим сообществом. Но при переносе закономерностей, характерных для достаточно локальных групп, на общество в целом могут произойти серьезные просчеты. О них весьма убедительно говорят ваши критики. В частности, приводится и такой аргумент: в органах самоуправления, призванных выражать интересы сотен или даже тысяч людей, работают лишь десятки наиболее активных, которые, заняв место в руководстве этими органами, вполне способны навязать свое видение проблем и способы их решения всему сообществу. Не говоря уже о том, что они могут быть и непрофессиональными, и небескорыстными... Таким образом, те обвинения, которые вы бросаете классической демократической системе, можно предьявить и конструкции, называемой вами базисной демократией.

А. Б. Любая демократия не абсолютна. Она может только способствовать более или менее точному отражению общественного интереса, чем какой-то другой вариант. Но у нас речь идет не только о представительной системе, но и о том, что депутат, представляющий интересы жителей или трудовых коллективов, опирается на открытые работающие группы. Принцип таков: хочешь бесплатно после работы этим заниматься — иди, работай, отстаивай свои права; нет желания работать — твое право, но и твой интерес во власти представлен не будет. Поэтому каждый, кто не хочет проиграть, должен участвовать в этой работе и воздействовать ею на своего депутата. Это и есть принцип ассоциации, принцип социализма, а не тот принцип, который положен в основу парламентской демократии. Я считаю, что декларируемые принципы равных возможностей в действительности — блеф. На самом деле в такой системе возможности человека прямо пропорциональны величине его кошелька.

Н. П. Таким образом, вас не удовлетворяют апробированные на Западе формы демократии. А как вы относитесь к программе экономических реформ, предложенной российским правительством?

А. Б. Противостояние между правительством Ельцина и нами — не только идеологическое. Мы считаем, что российская власть взяла курс на обслуживание интересов «обновленной» бюрократии, иностранных предпринимателей и компрадорской буржуазии, которые готовы пожертвовать интересами большей части экономики ради сверхприбылей своего достаточно узкого сектора. Мы отстаиваем интересы товаропроизводителей, работающих на внутренний рынок в интересах повышения технологического и научного потенциала страны, в интересах подавляющего большинства населения. Власти России делают ставку на широчайшую приватизацию и массовое привлечение иностранного капитала, выступают в защиту прав новых предпринимателей, как правило, вышедших из рядов старой номенклатуры. Это позволяет бюрократической олигархии закрепить свои привилегии **в новой форме, узаконить** их, перераспределить власть и собственность между различными группами внутри господствующей верхушки. «Общественная» собственность, и ранее принадлежавшая народу лишь на словах, сейчас присваивается теми самыми кругами, которые несут наибольшую ответственность за кризис нашего общества.

В стремлении скорее построить «светлое капиталистическое будущее» правительства не только России, но и других государств СНГ отвергают даже элементарные социальные гарантии, право на труд, бесплатное образование и здравоохранение. Все это лишь усугубляет социальную напряженность. Для экономики, ориентированной на внутренний рынок, снижение жизненного уровня и платежеспособного спроса означает и сокращение производства, уменьшение числа рабочих мест, безработицу, а значит, обострение кризиса и стагнацию. Здесь работник выступает не только как производитель, но и как потребитель. Рост реальной заработной платы стимулирует экономический рост. Следовательно, необходима борьба за поддержание максимально высокого для данной ситуации жизненного уровня трудящихся. Это не только наш идеологический выбор, результат осознания нами своей социальной ответственности, но и выражение объективной экономической необходимости.

Н. П. То есть вам чужды принципы экономического либерализма, на которые опираются российские реформаторы?

А. Б. Да, я противник этой идеологии. Моя позиция связана с несколькими моментами. Прежде всего реализация праволиберальных идей рассчитана на длительный (от 5 до 15 лет) период, в ходе которого идет падение жизненного уровня трудящихся, их жизненных стандартов и т. п. Пример тому — Чили. Чилийские христианские демократы очень хорошо говорили, что у них все цены устанавливаются на свободном рынке, кроме цены на рабочую силу, которая устанавливается пулеметами. Причем не будем забывать, что Чили — страна с демократическими традициями. Понятно, чего можно ожидать в России с ее традициями беззакония, привычками к диктатуре. Вызывает сомнения и сама фигура советника российского правительства Дж. Сакса. Напомню славные этапы его пути: он довел Боливию до падения на 40% валового национального продукта, довел до этого Польшу, а теперь приехал давать советы нам. В странах Запада, кстати, сейчас происходит отказ от таких праволиберальных концепций и советов, даже в Великобритании, которая всегда считалась оплотом консерватизма. В наших же условиях тотального дефицита товаров и услуг и дезорганизации хозяйства попытки раскрепощения стихийных экономических процессов ведут лишь к обострению кризиса.

Н. П. Вы считаете, что создание у нас условий для свободной конкуренции в ближайшее время невозможно?

А. Б. Безусловно. И одна из причин этого связана с исторически сложившейся структурой производства, при которой практически во всех отраслях одно или несколько крупнейших предприятий являются монополистами. В таких условиях антимонопольное законодательство принципиально ничего не дает. Для того чтобы поставить предприятия перед необходимостью действительного соревнования, нужны комплексная программа реструктурирования экономики, долгосрочные инвестиционные программы, строительство новых и реорганизация действующих предприятий, контролируемая внешняя торговля. А все это невозможно без сильного и эффективного программирования экономических процессов.

Н. П. Конечно, вы правы. Но нельзя не заметить, что все это понимают и члены российского правительства, которые тем не менее предлагают отвергаемый вами путь. В свою очередь, в чем состоит предлагаемая вами альтернатива?

А. Б. Развитие товарного рынка — необходимое условие для формирования эффективной переходной экономики. Однако мы убеждены, что тотальное введение частной собственности так же не гарантирует экономической эффективности, как всеобщая национализация не могла гарантировать социальной справедливости. В стране, где отсутствуют западные традиции и не существует современной цивилизованной буржуазии, на формирование которой в Европе и Америке потребовались столетия, стихийно складывающийся рынок может возникнуть только в наиболее варварских и примитивных формах. Без сознательного преобразования сложившейся структуры экономики любая крупномасштабная приватизация автоматически приведет к замене государственного монополизма частным.

Мы считаем, что «локомотивом», способным вытянуть страну из кризиса, может быть только преобразованный и демократизированный общественный сектор экономики. Государственные предприятия, решающие задачи различного уровня, следует передать в собственность различных советов. Демократические органы власти должны обладать собственными инвестиционными фондами и сконцентрированные в них средства использовать для создания новых рабочих мест, модернизации производства, проведения природоохранных мероприятий, для создания разветвленной сети переобучения работников.

Н. П. Здесь есть и еще одна проблема, о которой сегодня говорят: может ли государственное должностное лицо или депутат параллельно заниматься коммерческой деятельностью?

А. Б. Должна четко проводиться политика разграничения частного и общественного секторов производства. Нужно принять и четко исполнять законы, запрещающие совмещение государственной службы с частнопредпринимательской деятельностью в любых формах, свести к минимуму число государственных учреждений и структур, имеющих право учреждать собственные коммерческие предприятия, установить четкие нормы для учредителей. Кроме того, предприятия и фирмы со смешанным частно-государственным капиталом во избежание бюрократических злоупотреблений целесообразно учреждать только через государственные (муниципальные) холдинговые компании.

Обязательным условием мы считаем также и функционирование общественного сектора в режиме полной гласности и демократического контроля. При этом представительные органы власти не могут и не должны зани-

маться непосредственным хозяйственным управлением, существовать на доходы от хозяйственной деятельности. Источником средств для их функционирования могут быть только официально утвержденные налоги. Но представительные органы власти призваны определять приоритеты и основные направления развития экономики, по которым надлежит использовать общественные средства. Непосредственное же управление предприятиями будет осуществляться как самими трудовыми коллективами, выбирающими или нанимающими своих менеджеров, так и самостоятельной в своих действиях администрацией, ответственной перед советами за использование вложенных в предприятие общественных средств. Но и в последнем случае трудящимся также должно быть гарантировано право участия в управлении производством.

Н. П. Вписывается ли в вашу схему частная собственность, или вы предпочитаете ограничиться только общественной или коллективной собственностью?

А. Б. Вполне вписывается. Мы предполагаем, что ближайшее будущее за смешанной экономикой. Опыт прошедшего десятилетия Восточной Европы и нашей собственной страны убедительно показал как несостоятельность старых административных методов управления, так и неудачу попыток «чистого» рыночного решения или механического сочетания элементов бюрократически-административного планирования со свободным рынком. Приоритет мы отдаем общественным формам собственности — либо государственной с полным хозяйственным ведением трудовых коллективов, либо собственности трудовых коллективов, предоставленной им без выкупа. Но вполне допустима, с нашей точки зрения, и частная собственность. Должен соблюдаться принцип свободы создания частнособственнических предприятий. Приватизированы могут быть мелкие нерентабельные предприятия.

Н. П. Коллективам вы предлагаете передать собственность без выкупа, а частным владельцам?

А. Б. В этом случае переходящая в частные руки собственность должна быть полностью оплачена. Продажа должна осуществляться через аукцион или другим подобным образом. Если трудовой коллектив по каким-то причинам отказывается быть хозяином на своем предприятии, тогда объявляется конкурс и получает предприятие тот, кто больше даст. Мы считаем недопустимой передачу в частные руки государственных предприятий по так называемой «балансовой стоимости», практически за бесценок. Это просто разграбление страны, чреватое крайне нерациональным с точки зрения общества использованием оборудования наукоемких производств для получения сиюминутной выгоды. Таких примеров сейчас огромное количество: за символическую плату в аренду частным фирмам или псевдокооперативам передаются ныне лишаящиеся финансирования опытные производства с крупными НИИ, уникальным оборудованием. Администрация рада решить свои проблемы за счет арендной платы, и ее не волнует, что будет с этими людьми, оборудованием, как будет использоваться" это наукоемкое производство.

Н. П. Но почему вы в данном случае обвиняете только бюрократическую администрацию? Ваша альтернатива манипуляциям с государственным имуществом — передача его трудовым коллективам. Но где гарантия, что трудовой коллектив не будет действовать так же, как бюрократ, а может быть и хуже, просто в силу своей некомпетентности? Если обратиться к вашему примеру, то трудовому коллективу также весьма выгодно сдать в

аренду свои производственные помещения за валюту какому-то совместному предприятию и безбедно существовать на арендную плату с минимальной затратой сил.

А. Б. Здесь есть несколько нюансов. По большому счету вы правы: если ограничиваться только самоуправлением трудового коллектива, это так и получится. Однако нельзя не учитывать и того, что у трудового коллектива много иных интересов, кроме интереса получать заработную плату. Конечно, в условиях сегодняшнего кризиса получение денег, заработной платы — действительно доминирующий интерес. Но с точки зрения стратегической у работников данного оптового производства есть еще один немаловажный интерес — продолжение содержательной творческой работы. Ведь там заняты не идиоты, согласные получать деньги любой ценой, а люди, которые окончили институты, писали диссертации, получили высшие рабочие квалификации. Для них важна возможность самореализации. Если рабочему просто платить заработную плату и заставить его ничего не делать, то он очень быстро взбунтуется. Согласно проводившимся обследованиям, такое поведение характерно для большинства квалифицированных рабочих.

Н. П. Но у нас квалифицированных рабочих, причем квалифицированных в смысле новых, перспективных направлений развития производства, отнюдь не большинство.

А. Б. Но погоду в самоуправленческих организациях, в советах трудовых коллективов делают именно эти люди — квалифицированные рабочие и инженеры 30—50 лет. Реально — это основная активная прослойка.

Н. П. Однако продолжим разговор о вашей альтернативной программе. Вы сказали о ее первом пункте — создании смешанной экономики с доминированием общественного сектора.

А. Б. В той обстановке хаоса, в которую вползла наша экономика, мы считаем необходимым создание системы распределения, предполагающей распределение минимального количества жизненных благ под жестким демократическим контролем. С этой целью должны быть введены натуральный налог на поставщиков продовольствия и промышленных предметов потребления, организация нормированного распределения (по карточкам, купонам и т. п.) всех товаров, поступающих в руки государства по натуральному налогу. Остальная часть товаров может быть реализована на свободном рынке. Государство, политические партии и массовые демократические движения должны содействовать созданию потребительских кооперативов и организаций потребителей для контроля за функционированием системы нормированного снабжения. Напомню: нечто похожее делалось в Великобритании после второй мировой войны. Наша модель продумана экспертами Федерации потребителей, глубоко изучившими международный опыт. Это детально проработанный механизм так называемого «рынка потребителя» с частично контролируемым и нормируемым распределением.

Мы также считаем, что связывание излишней денежной массы скорее всего потребует проведения достаточно жесткой денежной реформы конфискационного типа (ограничение суммы наличного обмена, ограничение суммы безналичного обмена в случае неподачи декларации о доходах), введение обязательных деклараций о доходах, резкого расширения сферы безналичных расчетов. Спекулятивные доходы должны быть изъяты.

Н. П. Но тогда встает вопрос: как вы отличите спекулятивный доход от честно заработанного?

А. Б. Это вопрос, который решается демократической властью. Ведь демократия — это предпосылка, т. е. власть, которой доверяет большинство, причем активное, работающее большинство, а не пассивный электорат. Если есть такая демократическая политическая система, если люди ее поддерживают, тогда можно проводить такую реформу. Потому что тогда это будет не просто ограбление народа, а мера, которую поддерживают большинство активных, участвующих в управлении людей. В этом проблема и в этом специфика. Хотя и в данном случае для активной группы сохраняется возможность что-то себе «утащить», но я предпочитаю, чтобы «утаскивала» большая активная группа, а не «народный избранник», выбранный конформистским большинством, созданным авторитарной системой. Для проведения денежной реформы обязательно нужно доверие к власти.

Доверие к власти нужно и в другом. Нормализация бюджета потребует проведения достаточно жесткой налоговой реформы. Ее основными принципами должны быть: дифференцированное обложение доходов, поступающих из различных источников; прогрессивные налоговые ставки на личные доходы и прибыль; широкие налоговые льготы для инвесторов, направляющих свои доходы на производительные цели. Заработная плата должна облагаться по более низким налоговым ставкам, чем наследство, дивиденды, проценты по вкладным, иные формы доходов от имущества или капитала. Доходы от производственной деятельности — более низким налогом, чем доходы от финансового и торгового посредничества. Полностью или частично подлежит освобождению от налогов прибыль, инвестируемая в производство, в социальные программы.

Думаем мы и о новой банковской политике. Предполагается проведение политики кредитной рестрикции: высокие процентные ставки Центрального банка; высокая норма резервирования средств коммерческих банков в Центральном банке. Одновременно должны быть введены льготы и государственные гарантии для инвестиционных кредитов (по согласованному кругу проектов). Государство вводит льготы, содействующие образованию коллективных предприятий, кооперативов, принадлежащих их работникам, а также льготы для малого бизнеса. Целесообразными мы считаем также переговоры правительства с зарубежными кредиторами об отсрочке конверсии, о полном или частичном списании внешней задолженности. Нужно также проводить политику тесного сотрудничества с государствами-должниками для достижения наилучших условий погашения задолженности.

Но вновь подчеркну, основной гарантией мы считаем решение экономических проблем на макроуровне. Рынок, в котором хозяевами являются трудовые коллективы, — для нас не идеальная система. Очень быстро он начнет вырождаться и сохранит тот же монополизм. Отсюда главная проблема — создание демократического механизма регулирования экономики. Это означает, что должны быть сильные программы, обеспечивающие направления рыночного развития с определенными стратегическими целями. Например, программы перехода к наукоемким технологиям и целенаправленной поддержки наукоемких производств. Если вы работаете в этом направлении, то вам — «зеленая улица», льготные налоги и т. п., а если вы используете государственные средства производства, предназначенные для аэрокосмической промышленности, для штамповки флакончиков или чего-то подобного, то вас обкладывают таким налогом, что вы «вылетаете в трубу». Это очень упрощенная схема. В действительности существуют весьма тонкие механизмы поощрения образования, науки, культуры в широком смысле слова, которые ориентируют экономику, трудовые коллективы в определенном направлении. Такую политику можно и нужно проводить и по отношению к частному бизнесу.

Но главное в нашей программе состоит в том, что в условиях, когда хозяйственные полномочия принадлежат трудовым коллективам, власть на-

чинает выражать интересы большинства и ориентируется на эти интересы. В условиях же, когда к власти приходят представители коррумпированной бюрократии, все производство регулируется, исходя из других принципов. То есть для того, чтобы демократическим было макроэкономическое регулирование, демократия должна быть у нас во всем. Именно с этого надо начинать, но не останавливаться на этом.

Нужны также сильные программы регулирования переподготовки кадров под эгидой профсоюзов, поскольку они в этом напрямую заинтересованы. Если нет сильных профсоюзов, ориентированных на переподготовку, то в отрыве от профсоюзного движения такие программы будут неэффективными, а сами профсоюзы станут бороться за сохранение всех рабочих мест любой ценой, вплоть до забастовок, пикетов, захватов предприятий. Просто, чтобы людей не выгнали на улицу. Если же создана эффективная система переподготовки кадров и каждый знает, что в ее ходе он получит больше денег, чем раньше, а потом станет получать еще больше, то такая система может быть весьма работоспособной. Люди сами будут стремиться повысить свою квалификацию, заслужить право на это.

Н. П. Но с аналогичными планами и проектами выступает и вице-премьер российского правительства А. Шохин...

А. Б. Он пришел в правительство с похожими идеями, но, получив власть, начал действовать в несколько ином, мягко говоря, направлении.

Н. П. Но при этом надо реально смотреть на ситуацию, в которой государство оказалось сейчас. У нас ничего нет, а структура производства такова, что наши доходы не имеют реального товарного покрытия, и рост заработной платы сейчас — чисто инфляционный.

А. Б. Здесь мы выходим в другую плоскость. То, о чем я говорил, — стратегическая программа Партии труда. Но выполнение наших сиюминутных требований — это вопрос, скорее, политический, а не экономический. В зависимости от того, у кого будет реальная политическая власть, реальными или нереальными станут те или иные меры. Если люди поддерживают какую-то определенную политическую линию, то они принимают и соответствующие экономические механизмы и не будут бороться против них. Если же политическую линию и соответствующее правительство не поддерживают, то и предлагаемые таким правительством меры становятся фантастическими. Представьте себе, что Горбачев или, еще лучше, Лигачев вводит свободные цены. Что будет в стране в условиях демократической власти? Массовая поддержка и доверие этому правительству?

Н. П. О свободных ценах Павлов заговорил уже к началу лета...

А. Б. Но это было абсолютно непроходимо. А для Ельцина это проходимо, потому что он пользуется кредитом доверия, хотя и ведет к резкому падению жизненного уровня. Это первый момент. Но есть и второй — кто будет реализовывать эту политику. Если опираться на всю существующую структуру власти, начиная от не имеющих власть министров и руководителей производства и кончая низовыми структурами директорского корпуса, которые эту власть имеют, но не используют или используют в очень специфическом направлении, то мы получим один вариант реформ. Если же представить альтернативную ситуацию, предполагающую социальную активность, самоорганизацию людей, то это будет другой вариант.

В качестве первоочередных мер, защищающих население в условиях кризиса, мы предлагаем введение карточной системы распределения, при которой имеющегося у нас минимального набора продуктов хватит для то-

го, чтобы всем гарантированно избежать голода, обеспечить по уравнительному принципу минимально достаточный уровень снабжения потребительскими товарами, услугами здравоохранения, рекреации и т. п. Для этого нужно создать открытую информационно-коммерческую сеть с базами данных о производстве и поставках продукции на рынок при обязательности для предприятий общественного сектора предоставления информации в эту сеть; перейти к информационной открытости системы распределения потребительских товаров (муниципальные службы ежедневно информируют население о поступивших в регион товарах народного потребления). Обязательно должны быть введены система государственного страхования по безработице, льготный режим формирования предприятиями собственных страховых и пенсионных фондов при участии профсоюзов. Это лишь некоторые из предлагаемых нами мер.

Есть масса механизмов, которые сами по себе возможны и реальны, но они становятся неприемлемыми при нынешних политической власти и правительстве. Поэтому сегодня мы выдвигаем требования, минимально необходимые для того, чтобы просто выжить. Поскольку мы понимаем, что сил для того чтобы поменять эту властную структуру, у нас просто нет. Но стратегическая наша цель, как я уже говорил,— замена существующей политической системы на систему базисной демократии и на этой основе борьба за иной путь экономического развития.

Н. П. Кого вы считаете своими союзниками в борьбе, кто составляет вашу социальную базу?

А. Б. Партия труда — партия защиты интересов человека труда вне зависимости от сферы его деятельности. Это наша база в широком смысле. В узком смысле — мы опираемся на культурный пролетариат, ориентированный на ассоциацию.

Н. П. Как бы вы охарактеризовали место Партии труда в спектре политических течений, какие политические течения вы считаете своими союзниками?

А. Б. Нам бы хотелось, чтобы Партия труда стала силой, консолидирующей демократическую оппозицию в борьбе на два фронта: против лидеров нынешнего право-либерального режима и против консерваторов-«патриотов». Одна из наиболее опасных тенденций в современном политическом спектре — формирующийся блок «патриотических сил», включающий разнородные политические группировки. Реализация их программ может привести страну к еще более глубокому кризису в рамках полуфашистской системы пиночетовского образца.

Партия труда сегодня может стать притягательной для групп, разочаровавшихся в линии «Демократической России». Как правило, это низовые организации, брошенные лидерами. Часть этих людей может влиться в наши ряды, с частью из них мы можем блокироваться в борьбе за демократические принципы.

Н. П. Но как коммунисты вы, очевидно, ищите союзников среди движений именно этого направления.

А. Б. Отношение к коммунистическим группам у нас отнюдь не одинаковое. Из посткоммунистических партий раньше других набрала регистрационную численность Социалистическая партия труда (СПТ). Ее основной костяк составил аппарат старой КПСС. Это придает ей организационную устойчивость и обеспечивает репутацию «самой скучной партии». Стремясь доказать свою умеренность, СПТ все больше склоняется к заимствованию

стратегических ориентиров нынешней власти и тем самым повторяет ошибку КПСС, которая, настаивая на своей «конструктивности», так и не предложила альтернативы курсу Ельцина. Мы открыты для сотрудничества с некоммунистами демократической направленности, прежде всего из Российской партии коммунистов (РПК), чьи программные установки нам близки. Однако РПК ориентируется в первую очередь на работу среди бывших членов КПСС, а потому зачастую воспроизводит отрицательные черты этой организации.

Среди некоммунистов есть также течение, которое я бы охарактеризовал как консервативно-фундаменталистское. В нем, на мой взгляд, наиболее заметной является Российская Коммунистическая Рабочая Партия (РКРП). Недовольство существующим положением привлекает на их сторону самых обездоленных, безработных, голодных, зачастую деклассированных (хотя часть этих слоев может поддержать и правые националистические силы). Это движение будет шириться как движение протеста, но оно не создаст политической альтернативы. Возврат в прошлое не просто нежелателен, он невозможен, а потому попытки движения в этом направлении реакционны. Лидеры «некоммунистов» типа Анпилова привлекательны для своих сторонников тем, что, в отличие от коммунистических вождей предшествующих лет, это люди лично честные и некоррупцированные. Но приход подобных людей к власти может стать только бедствием, ибо повернет страну назад. Но вместе с тем мы считаем для себя возможным сотрудничество с рядовыми активистами РКРП на местах, разъяснение им нашей позиции, что, как мы надеемся, сможет привлечь их на нашу сторону.

Н. П. В чем вы видите главную свою задачу сегодня?

А. Б. Работу в массовых демократических организациях, прежде всего в профсоюзах, в трудовых коллективах, в органах территориального самоуправления с целью создания действительно массового демократического движения, членов которого объединяет прежде всего единство жизненных социально-экономических интересов. Если такое движение возникнет, если будет обеспечен союз этого движения с активной и реалистически мыслящей частью технократии и менеджеров, понимающих, что только вместе с организованными тружениками они вытащат страну из кризиса, Россия сможет реализовать комплекс антикризисных мер и стать демократической республикой трудящихся.

© А.Бузгалин, Н. Плискевич, 1992